

И отмечает в записной книжке:

«Я поехал далее, как, может, случилось вам ехать на поединок...».¹

Этими чувствами спокойной храбрости, азиатской беззаботности Пушкин наделяет своих героев. Один из них восклицает:

Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю.
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.

*

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья...

Страшится смерти Скупой рыцарь; мысль о черном человеке, заказавшем «Реквием», неотступно преследует Моцарта; Дон Гуан бросает вызов кладбищенской тишине и зовет на зловещее свидание статую умершего; веселая компания из «Пира во время чумы» воспекает сладость опасности на пороге вечного упоения. Итак, главное действующее лицо всех четырех драматических сцен – смерть.

Написанные в Болдине повести являются переложением драматических сцен в ином ключе. Их слог так же строг, действующие лица так же немногочисленны. Драматические эссе Пушкина – это «сжатые пятиактные трагедии», повести же – «сжатые романы». И стихотворные, и прозаические произведения вдохновлены общей мыслью.

С. А. ФОМИЧЕВ

**«Так, басней правду заменя...»
(О стихотворении Пушкина «Аквилон»)**

Бесконечно разнообразный в своих поэтических жанрах, Пушкин тем не менее не создал ни одной басни, понимая, что этот жанр в русской литературе довел до пределов совершенства И. А. Крылов,

¹ Заметка Пушкина о холере.

и не желая, по-видимому, вступать с ним в соревнование. Однако было бы странным, если бы достижения этого жанра остались совершенно не учтенными в поэтической практике Пушкина. Наглядным примером такого освоения стало его стихотворение «Аквилон»:

Зачем ты, грозный Аквилон,
Тростник прибрежный долу клонишь?
Зачем на дальный небосклон
Ты облачко столь гневно гонишь?

Недавно черных туч грядой
Свод неба грозно облекался,
Недавно дуб над высотой
Красой надменно величался...

Но ты поднялся, ты взыграл,
Ты прошумел грозой и славой –
И бурны тучи разогнал,
И дуб низвергнул величавый.

Пускай же солнца ясный лик
Отныне радостью блистает,
И облачком зефир играет,
И тихо зыблется тростник.

(II,365)

Здесь просвечивает классический басенный сюжет, восходящий к Эзопу, хорошо известный в обработке Лафонтена и наиболее популярный в русской басенной традиции. Всех «персонажей» аллегорической сценки (которая была на слуху у читателей) Пушкин бережно сохранил: и грозный аквилон, и прибрежный тростник, и величавый дуб, и легкий зефир. Добавлен Пушкиным лишь образ облачка. Возможно, это след влияния другого, не менее популярного басенного сюжета, восходящего к стихотворению французского поэта А.-В. Арно «Листок» (1815), которое на русский язык переводилось В. А. Жуковским, В. Л. Пушкиным, Д. В. Давыдовым, П. И. Шаликовым, С. Ф. Дуровой. Даем этот текст в переводе Жуковского:

От дружной ветки отлученный,
Скажи, листок уединенный,
Куда летишь?.. «Не знаю сам;
Гроза разбила дуб родимый;

С тех пор, по долам, по горам
По воле случая носимый,
Стремлюсь, куда велит мне рок,
Куда на свете все стремится,
Куда и лист лавровый мчится,
И легкий розовый листок».¹

Это осмыслялось как выражение чувств политического изгнанника. «Участь этого маленького стихотворения, – писал Пушкин в 1836 г., – замечательна. Костюшко перед смертью повторил его на берегу Женевского озера; Александр Ипсиланти перевел его на греческий язык...» (XII, 46, 476).

Еще до публикации пушкинского стихотворения, в 1829 г. те же чувства выразил А. Бестужев-Марлинский в стихотворении «К облаку»:

...Завоет вихрь, взметая прах, –
И ты из лона звездна
Дождем расстаеть на степях
Бесславно, бесполезно!..

Блести, лети на ветерке
Подобно нашей доле --
И я погибну вдалеке
От родины и воли!²

Смысл же пушкинской аллегии трактовался по-разному. По мнению Л. Н. Майкова, «стихотворение составляет как бы обращение к Александру, причем под тростником, клонимым долу, поэт разумеет самого себя, а под дубом – Наполеона, побежденного русским царем».³ Возражая на это, Б. В. Томашевский заметил: «Майкова не останавливает то обстоятельство, что не было такой бури, которая одновременно угрожала бы и Пушкину, и Наполеону».⁴ Отгалкиваясь от наблюдения Г. С. Глебова (впервые обратившего внимание на пушкинскую запись среди набросков «Путешествия Онегина» начальных строк «Аквилона» и «Ариона»),⁵ Б. В. Томашевский полагал:

¹ Жуковский В. А. Стихотворения. 9-е изд. СПб., 1895. Т. 2. С. 19.

² Бестужев-Марлинский А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1961. С. 173.

³ Майков Л. Н. Из замечаний о Пушкине: О стихотворениях «Туча» и «Арион» // Русский вестник. 1893. № 2. С. 50.

⁴ Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2. С. 50.

⁵ См.: Глебов Г. С. Об «Арионе» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Т. 6. С. 304.

«Действительно, если допустить связь “Аквилона” с “Арионом” и соответствующее изменение датировки, то стихотворение получает вполне определенный смысл. Тогда придется допустить, что дата “1824” вызвана соображениями прикрытия политического смысла стихотворения, что делает понятным, почему Пушкин так медлил с напечатанием “Аквилона”. Выбор даты “1824” (на год раньше 14 декабря), по-видимому, продиктован именно этими соображениями».¹ Представление, что стихотворение «Аквилон» «явно связано с грозными событиями 1825 г.»² остается наиболее распространенным в пушкиноведении. Как мы постараемся показать ниже, обе трактовки в сущности не являются взаимоисключающими.

Принципиально важно, что единственный дошедший до нас автограф стихотворения (ПД, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 126) наряду с пометой «1824. Мих<айловское>» имеет и вторую дату: «Болд<ино>. 7 сент<ября>». Т. е. именно в деревенском уединении 1830 г. Пушкину пришла на память давняя притча, и в этот день не было никакой нужды в заведомой хронологической мистификации.

Следует также иметь в виду, что образ поверженного бурей древа давно был освоен и лирической поэзией (что уже заметно в русских переложениях стихотворения Арно). Большой репертуар таких произведений был указан В. В. Виноградовым,³ приведем лишь один пример: строки стихотворения Жуковского «Гимн (Из поэмы Томпсона «Времена года»»):

Се гром!.. Владыки глас!.. Безмолвствуй, мир смятенный.
Внуши... из края в край по тучам гул гремит;
Разрушена скала; дымится дуб сраженный;
И гимн торжественный чрез дебри вдаль парит...⁴

Возможно, вариаций тех же томпсоновских строк станет и стихотворение Ф. П. Тютчева «Успокоение» (1831):

Гроза прошла – еще курясь, лежал
Высокий дуб, перунами сраженный,
И сизый дым с ветвей его бежал
По зелени, грозою освеженной.

¹ Тамашевский Б. В. Пушкин. С. 50.

² Городецкий Б. П. Лирика Пушкина. М.; Л., 1962. С. 327.

³ Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1999. С. 465.

⁴ Жуковский В. А. Стихотворения. Т. 2. С. 116.

И уж давно, звучнее и полней,
Пернатых песнь по роще раздалась,
И радуга концом дуги своей
В зеленые вершины уперлася.¹

В отличие от медитаций Жуковского нарисованная здесь картина реально зрима, но она и символична как обобщенное представление о неистребимой гармонии жизни.

Наряду с антологическим осмыслением образа сокрушающей (в данном случае и вечно возрождающейся) стихии возможно и ее народно-поэтическое олицетворение, как это произошло, например, в «Слове о полку Игореве», которое мы процитируем по переводу Жуковского, сохранившемуся в пушкинском архиве:

Ярославна поутру плачет в Путивле на стене, приговаривая:

«О ветер, ты ветер!
К чему же так сильно веешь?
Мало ль подоблачных гор твоему веянию?
Мало ль кораблей на синем море твоему лелеянию?
На что ж, как ковыль траву, ты развеял мое веселие».²

Неверно считать, что «лирическое начало в “Аквилоне” все заключается в этом (имеется в виду первое четверостишие. – С. Ф.) обращении лирического субъекта. Оно не поддержано соответствующим строем описания, которое все построено на таких эпитетах, которые легко трактуются как в прямом, так и в аллегорическом смысле (в аллегорическом – даже легче), и нигде классицистическая ясность картины не нарушается вторжением резко индивидуальных деталей или психологических нюансов».³

Это, конечно, не так. Как раз такой психологический нюанс и задает с самого начала тон всему стихотворению Пушкина: сочувственное сопереживание малым сим, которые в эзоповском сюжете серьезной опасности не подвергаются. В стихотворении нарушено и эпически последовательное изображение событий: тростник и дуб разобщены; в басне же они вступают в диалог, а потом *вместе* испытывают налетевший порыв ветра. В первом чет-

¹ Тютчев Ф. П. Лирика. М., 1966. Т. 1. С. 32.

² Рукою Пушкина. 2-е изд. // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1997. Т. 17 (дополнительный). С. 127.

³ Кузнецов И. С. Система лирических ситуаций романтической поэзии А. С. Пушкина. М., 1999. С. 143.

веростишии у Пушкина взгляд поэта (здесь и сейчас) устремлен к нижней точке – вслед за порывом ветра, пригнувшего тростник и влекущего вдаль облачко. В центральных строфах – *воспоминание* об отшумевшей буре. И ее ценностное восприятие коренным образом отличается от басни. Ср. в различных переделках басни Лафонтена:

Ветр бурный с лютым гневом
Дышит отверстием зевом,
Ярится, мчится с ревом...

А. П. Сумароков

Жестокий Ветр настал...

А. А. Ржевский

Из дальних неба стран вдруг с яростью примчался
Исшедший севера из недр
Лютейший самый ветр...

Ю. А. Нелединский-Мелецкий

И вот, нахмурия брови черны
И ветрену Борей разинув хлябь,
С дождем мешая пыль, кричит: «Всё бей, всё грабь!
Все власти лишь моей, все быть должны покорны!...»

Я. Б. Княжнин

Ударил грозный ветр – все рушит и валит...

И. И. Дмитриев

Вдруг буря страшная настала,
И лютый ветр
Летит из мрачных недр;
Дуброву всю ломает...

Д. И. Хвостов

Насутился Борей,
Вздурился,
Завыл – и в ярости своей
На все озлился...

А. П. Бенитцкий

Вдруг мчится с северных сторон
И с градом и дождем шумящий Аквилон...
И. А. Крылов¹

Как видим, только у Крылова отсутствует резко негативная оценка ветра – и не случайно: у него в буре аллегорически олицетворена победа над Наполеоном.²

В 1824 г. та же тема развита и в стихотворении Пушкина:³

Но ты поднялся, ты взыграл,
Ты прошумел грозой и славой –
И бурны тучи разогнал,
И дуб низвергнул величавый.

Но воспоминание о минувшей «грозе и славе» неизбежно воскрешало и былые надежды, отразившиеся, в частности, в лицейском стихотворении Пушкина, обращенном к Александру I:

...брани сокрушив могущею рукой,
Вселенну осени желанной тишиной! <...>
Счастливый селянин, не зная бурных бед,
По нивам повлечет плуг, миром изошренный...⁴

Как известно, этим чаяниям не суждено было осуществиться из-за трагических потрясений, предощущение которых в начале 1820-х гг. Пушкину было хорошо ведомо. В декабристской же хронике, запечатленной в уничтоженной поэтом десятой главе «Евгения Онегина», эта причинная связь грозы 1812 г. и обманутых ожиданий была отчетливо обозначена:

Гроза 12 года
Настала – кто тут нам помог
Остервенение народа,
Б<арклай>, зима иль русский Б<ог>?

.....

¹ Русская басня XVIII–XIX вв. Л., 1977. С.91, 132, 196, 201, 232, 257, 283, 285.

² Наблюдение И. З. Сермана. См.: Иван Андреевич Крылов. Проблемы творчества. Л., 1975. С.272.

³ В 1824 г. Пушкиным наполновская тема намечена и в стихотворениях «Зачем ты послан был и кто тебя послал...» и «Недвижный страж дремал на царственном пороге...».

⁴ Пушкин А. С. Лицейские стихотворения. 1813–1817. СПб., 1999. С.135. Между прочим, по преданию, этим стихотворением А. С. Грибоедов рекомендовал П. Я. Чаадаеву юного Пушкина как многообещающего поэта.

Но Бог помог – стал ропот ниже,
И скоро силою вещей
Мы очутились в Париже
И русский царь главой царей>.

.....
И чем жирнее, тем тяжеле...
О русский глупый наш народ>,
Скажи, зачем ты в самом деле...

(VI, 522)

Та же причинная связь запечатлена Пушкиным в сближении «Аквилона» и «Ариона», обозначенная первыми строками этих стихотворений, которые записаны в черновиках строф из «Путешествия Онегина».¹

Само собой разумеется, в пушкинском «Аквилоне» нет столь обнаженной сатиры, но аллегорические образы (инерция басенного их осмысления несомненна) униженного тростника и гонимого облачка в контексте как обозначенной в образной ткани стихотворения традиции, так и собственно пушкинского творчества приобретают вполне определенный смысл. Кольцевая композиция произведения² не снимает изначального тревожного вопроса, так как в отличие, скажем, от стихотворения Тютчева «Успокоение» гармония мира остается не восстановленной: желаемое благоденствие не наступило и, Бог весть, наступит ли, хотя, по справедливости, так должно быть.

Исторические ситуации время от времени повторяются. В эпилоге романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» читаем:

«Хотя просветление и освобождение, которых ждали после войны, не наступило вместе с победою, как думали, но все равно предвестие свободы носилось в воздухе в послевоенные годы, составляя их единственное историческое содержание».³

¹ См.: Рукою Пушкина. С.217. По справедливому, на наш взгляд, замечанию И. М. Дьяконова, большая часть строф так называемой десятой главы, зашифрованных в Болдине в 1830 г., первоначально была написана еще в 1829 г. для главы «Путешествие Онегина» (см.: Дьяконов И.М. О восьмой, девятой и десятой главах «Евгения Онегина» // Русская литература.1963. № 3. С. 336–353). Как нам представляется, возвратившись из Болдина, Пушкин просматривал черновые рукописи «Путешествия Онегина» и тогда оставил там помету о двух своих стихотворениях.

² См.: Эткинд Е. Симметрические композиции у Пушкина. Париж, 1988. С.35–36.

³ Пастернак Б. Собр. соч.: В 5 т. М., 1975. Т. 3. С. 510.

Может показаться, что аналогичная трактовка пушкинского стихотворения грешит модернизацией. Но такая мысль была и Пушкину не чужда, как об этом свидетельствуют его автографы.

Уже упоминалось выше, что стихотворение «Аквилон» было записано по памяти Пушкиным в Болдине 7 сентября 1830 г. В этот день он завершил черне своих «Бесов». На обороте же исправленного беловика «Аквилона» тогда же записывается и стихотворение «Делибаш» с пометой «Саганлу», относящейся к кавказскому путешествию поэта в 1829 г. Таким образом намечен трехчастный цикл:

Аквилон
Делибаш
Бесы.

Переключка первого и третьего из этих произведений вполне очевидна. Тема же войны, метафорически (аллегорически) полускрытая в «Аквилоне», обнажена в центральной части цикла.

«Аквилон», хотя и включался в перечень произведений, намечавшихся для третьей части «Стихотворений Александра Пушкина»,¹ был опубликован лишь в самом начале 1837 г. (с пометой «1824») и фактически стал последним стихотворением поэта, отданным им в печать.²

Н. П. МОРОЗОВА

Повесть Н. В. Гоголя «Старосветские помещики» в контексте литературной полемики вокруг Н. М. Карамзина

Повесть Н. В. Гоголя «Старосветские помещики» пронизана мотивами и приемами сентиментального повествования, позволяющими услышать в ней «вздых осмнадцатого столетия» и «с благоговением и благодарностью» вспомнить о гении Н. М. Карамзина. Подобная реминисценция приобретала особый смысл в ситуации литературной полемики того времени, критической точкой которой стало

¹ См.: Рукою Пушкина. С.194.

² Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1837. №1.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
ИСКУССТВ

ТЕАТР
И
ЛИТЕРАТУРА

Сборник статей к 95-летию
А. А. ГОЗЕНПУДА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2003